

НАНА
РАЙ

ОБЫ
ЧЛЕ
НИЕ

литературный конкурс

Проект особого
значения

16+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Нана Рай

Обнуление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67633227

SelfPub; 2022

Аннотация

Марк потратил пять лет на создание препарата "Обнуление", который исцеляет и улучшает человека, но стирает его прошлую жизнь. Опасный эксперимент решают поставить над психически больной девушкой. Однако последствия не мог предугадать даже Марк...

Нана Рай

Обнуление

Видеозапись

Девушка в смирительной рубашке пламенела огненными локонами. Как ни пытались медсестры закрутить их в строгий пучок, они вырывались из любых пут. В итоге волосы пришлось обрезать, и теперь карминовые кудри обрамляли до подбородка остроносое лицо с хитрым прищуром.

Психиатр Юрий Николаевич нервно постукивал карандашом по планшету с записями:

– Почему вы... убиваете... людей?

Он вздохнул, видимо, с облегчением, что, наконец, задал этот вопрос. Мужчина постоянно тербил короткую бородку и вел себя так, словно это был его первый день в психиатрической лечебнице.

– А почему вы дышите? – девушка оскалилась.

– Не думаю, что эти вещи можно сравнивать. И вы обещали не отвечать вопросом на вопрос.

– Тогда снимите с меня эту гадость! – взвилась она и попыталась вырваться из смирительной рубашки.

Юрий Николаевич вздохнул и потер переносицу. Кажется, это был самый тяжелый день в его жизни.

– Почему вы убиваете людей? – настойчивее повторил он.

Девушка поджала губы, а затем скривила в ухмылке, от

которой психиатр невольно вжался в кресло.

– Потому что хочу.

Трое суток Марк просуществовал без сна на одном растворимом кофе вместо еды, но зато достиг цели. Его стол в лаборатории АО «Заслон» зарос кипами задокументированных исследований. И только пару дней назад ему удалось найти идеальный баланс компонентов препарата. «Обнуление» – так Марк назвал главное детище всей своей жизни.

Он наклонился к клетке с мышами и постучал по прозрачному пластику. Взрослые особи после отката к состоянию новорожденного развили все необходимые навыки за три дня. По подсчетам Марка, человеку понадобится два месяца. Но проблема была в другом – ему требовалось разрешение на эксперимент.

Марк устало потер глаза под очками с толстыми линзами и нехотя глянул в зеркало. Распутал косматую бороду, которую давно пора было сбрить, и пригладил давно невымытые рыжие вихры. Опух как алкоголик, не иначе. Он поморщился и вернулся к столу. Выхватил из тумбочки две папки, одна из них – красная и безымянная – была изрядно потрепана, как будто ее листали каждый день на протяжении нескольких лет.

Перед тем, как выйти из лаборатории Марк мысленно

прочитал молитву, точнее сборную версию того, что он слышал в детстве и что придумал сам. После чего приложил пропуск к замку.

Его проект обязательно должны одобрить. Пять лет жизни, пять лет бессонных ночей и пять лет разочарований наконец-то увенчались успехом. Начальство не посмеет сбросить разработки Марка со счетов и отказать ему в очередной раз. Иначе он за себя не ручается.

Видеозапись

– Когда вы в первый раз убили человека?

Рыжеволосая девушка пренебрежительно пожала плечом:

– Не знаю, лет в семнадцать...

– И кто это был?

– Моя лучшая подруга, – усмехнулась она.

Юрий Николаевич снова вздрогнул. И так каждый раз, когда она улыбалась. Он заслонился от пациентки записями, будто щитом.

– И что она вам сделала? Какой был мотив убийства?

– Да ничего. Она оказалась легкой жертвой. Доверяла мне. Я ее отравила, а никто даже не подумал на меня, ведь я была убита горем. К слову, с тех пор у меня нет друзей. Не могу сказать, что я сильно расстроена этим фактом,

потому что убивать каждого друга было бы слишком подозрительно, а соблазн велик, – она словно рассуждала какая обувь лучше подходит к ее платью: красные босоножки или черные балетки.

– Значит, никакого мотива? Просто потому что захотелось?

Девушка кивнула, и Юрий Николаевич в очередной раз нервно выдохнул:

– А остальные жертвы? Что с ними?

– Ровно то же самое. Если вам нужен мотив, то считайте меня сумасшедшей, – она хихикнула. – Ведь не зря же меня определили в эту симпатичную лечебницу. Будь я коварной интриганкой, которая наживалась бы на смертях, то мое место было бы в тюрьме, а не здесь. Хотя... мне плевать на ваше мнение.

– Регина, вы сами считаете нормальным в двадцать три года иметь послушной список в девять трупов?

– Не хотите стать юбилейным, доктор? – предложила она и захохотала при виде белого, как снег, лица психиатра.

Борис Григорьевич дотошно изучал предоставленные документы, и, пока цифры на часах лениво вели свой счет, Марк обливался потом. В кабинете начальника было душно, хотя окно открыли настежь. И судя по крупицам на лысине

Бориса Григорьевича, от жары мучился не только Марк.

Начальник вздрогнул, будто прочитал в отчете что-то ужасное, а затем поднял на Марка тяжелый взгляд, который напоминал ему глаза-пуговицы у плюшевого медведя. Борис Григорьевич никогда не мигал и смотрел так угнетающе, что легкие постепенно превращались в изюм.

– А теперь русским языком объясни, что за чертовщину ты предлагаешь? Обнуление? На что тебе выделялись деньги, ястреб? На омолаживающую сыворотку! – пробасил Борис Григорьевич и стукнул кулаком по столу. Чайная ложка в кружке обиженно звякнула. – А в результате что? Препарат, стирающий личность?!

– Можно сказать, это и есть омолаживающая сыворотка, – терпеливо пояснил Марк.

Ноги не выдержали, и он рухнул на стул. Протер влажные ладони о белый халат:

– Вы только вдумайтесь: «Обнуление» на девяносто процентов снизит затраты на содержание тюрем и психбольниц!

– Каким образом? Ты предлагаешь вернуть человека в состояние новорожденного, вот только на самом деле он таким являться не будет. В результате мы получаем на несколько месяцев беспомощных взрослых, которые даже нужду справлять не умеют! – Борис Григорьевич потянул за черный галстук, расслабляя узел. Затем снова пролистал отчет Марка и зачитал абзац: – *«Буквально за пару минут сознание подопытной мыши полностью очищается, ее память, навыки*

стираются, и она откатывается до уровня новорожденной особи. Остаются лишь врожденные инстинкты, которые за несколько дней помогают ей восстановиться до прежнего состояния. Но это уже совсем другая мышь. Ее поведение отличается от изначального, отсутствуют прежние страхи, увеличена подвижность. Она явно омолодилась...».

То есть тебя ничего не смущает? – он снова посмотрел на Марка глазами-пуговицами.

– Сами подумайте! Представьте, что некоего абстрактного парня в детстве избивал отец. Он вырос озлобленным, забитым мужчиной, склонным к агрессии. Либо он проживет свою жизнь полным ничтожеством, либо станет убийцей... Вариантов множество, но все они пессимистичные, – с пылом продолжал Марк. Он наклонился ближе к столу, надеясь, что так его слова быстрее достигнут сознания начальника. – Он попадает в тюрьму, и тут его подвергают «Обнулению». За пару часов он становится чистым, как белый лист. Он не помнит, что его избивали, не помнит свою пустую, одинокую жизнь. Из него можно слепить достойного члена общества, всего лишь заложив нужные качества. И на это уйдет в худшем случае три месяца. Разве это не более быстрый способ перевоспитания, чем отсидеть десять лет в тюрьме и выйти еще худшей версией себя?

Борис Григорьевич раскрыл рот, но Марк быстро продолжил, не дав ему шанса снова возразить:

– А душевнобольные? Они вообще не ничего не теряют.

Их разум уже помутился. «Обнуление» послужит хорошей перезагрузкой, исцелит и даст шанс им и их родственникам на нормальную жизнь. Да, все они уже будут другими. Это все равно, что человек после амнезии, только глобальной. У него останутся врожденные черты характера, индивидуальность, но он будет неограниченным алмазом, и из него можно выточить любой красоты бриллиант. Не говоря уже о том, что препарат омолаживает весь организм. Затрагивает не только внешность, но и внутренние органы. Чем старше подопытный, тем сильнее проявится эффект омоложения.

Марк умолк и, наконец, почувствовал, что в горле пересохло. Он тяжело дышал, будто пробежал марафон без подготовки.

– Я бы провел эксперимент на себе, но, боюсь, жена не выдержит двух новорожденных, – усмехнулся Марк, и на губах начальника дрогнула ответная улыбка.

– Человек будет заново учиться ходить, говорить, есть...? – задумчиво перечислил он. – Разве возможно восстановиться так быстро, как ты утверждаешь?

– Все, что человек знал в прежней жизни, он разовьет очень быстро. Его тело уже физически подготовлено, и ему не придется, как настоящему младенцу, несколько месяцев только учиться держать голову. К примеру, математик за пару часов разберется с интегралами и вычислениями, художник почти сразу нарисует картину на том уровне, как раньше...

– А сам процесс обнуления? Ты пишешь, что это займет несколько часов, – Борис Григорьевич вопросительно вскинул брови.

– Да, – Марк стушевался. – Сам процесс родственникам лучше не видеть. Особенно, если человека обнуляют против его воли.

Борис Григорьевич потер морщинистый лоб. Его явно раздирали противоречивые эмоции. Он то поджимал губы, то морщился, то надувал щеки и шумно выдувал воздух.

– Честно говоря, звучит жутко. С одной стороны... но с другой – завораживает. На АО «Заслон» еще не проводили подобных экспериментов, – он прочистил горло. – Не знаю, смогу ли выбить разрешение. Ты ведь понимаешь, что сейчас, несмотря на твои опыты над мышами и расчеты, это все теория, – он потряс в воздухе папкой. – Проблема возникнет с подопытным. Могут зарубить на корню, ведь это нарушает основополагающие принципы гуманности.

– Подопытный есть, – поспешно возразил Марк, – и его опекун дает согласие, – он нетерпеливо кивнул на красную папку.

Борис Григорьевич раскрыл ее и тут же уронил на стол. Он поднял ошарашенный взгляд на Марка:

– Господи, да это же... Ты уверен?

Марк кивнул. Сердце подкатило к горлу, но он только сильнее скрестил пальцы:

– Как никогда...

– Но это же Регина!

– Да.

– Марк, она твоя сестра! – Борис Григорьевич отшвырнул от себя замусоленную папку, и она раскрылась на первой странице, к которой была приколота фотография рыжеволосой девушки с острым лицом.

– Поэтому я и прошу разрешения провести опыт над ней! – воскликнул Марк. – Она заперта в лечебнице, потому что в ее мозгу живет болезнь, заставляющая убивать людей. «Обнуление» позволит очистить сознание Регины, и я заполню его по-новому, чтобы она смогла жить, а не существовать.

Как только Марк произнес эти слова, ему стало легче, словно он разорвал старые путы.

– Так вот ради кого ты создал свой препарат, – задумчиво протянул Борис Григорьевич.

Марк не ответил. Только отвернулся к окну, ожидая приговора. Время сгустилось, и он ощущал его физически. Каждая секунда вибрацией отдавалась в висках.

– Хорошо, – согласился начальник. – Я вынесу «Обнуление» на общее обсуждение и сообщу тебе результат. Но... Марк, ты же понимаешь, этот эксперимент очень опасен. Если он провалится, твоей карьере конец.

Марк снова встретился с ним взглядом, и на этот раз его не испугали глаза-пуговицы:

– Если я провалюсь, то уволюсь сам. Мне больше нечего

будет здесь делать.

Марк с утра принял душ, побрился, сменил пропахшую потом одежду, и на короткое время почувствовал себя другим человеком. Он словно со стороны наблюдал, как санитары привели в лабораторию Регину в хлопковых белых штанах и смирительной рубашке. Она не сопротивлялась, когда ее пристегнули к стулу, не сопротивлялась, когда с нее сняли рубашку, и она осталась в футболке с коротким рукавом. Рыжие кудри на голове покачивались с каждым кивком, а затуманенный взгляд скользил по Марку сверху-вниз, снизу-вверх.

– Радуетесь? – тихо спросила Регина, когда они остались вдвоем.

– Чему?

Марк говорил сухо и двигался по лаборатории, как робот. Он постарался отключить все эмоции. Если забыть о том, что она – его сестра или представить, что он сейчас сделает ей прививку против гриппа, а не введет препарат, обнуляющий человека, то становилось легче дышать.

– Ты давно хотел от меня избавиться, – пожала плечами Регина. – Психушки показалось мало. Ты решил пойти дальше...

– Не говори так! – прорычал Марк.

Усыпленные эмоции вернулись разом, в голове зазвенело, а дыхание стало прерывистым.

– Я хочу спасти тебя! Подарить шанс на жизнь! Или тебе нравится твое нынешнее жалкое существование?

Он почти машинально протер ей вену на правой руке, поставил капельницу и вставил в автоматизированную капсулу колбу с голубой жидкостью. Скоро она заструится по венам его сестры – при этой мысли пальцы вдруг онемели, а в глазах защипало. Он рассчитал все, до мельчайшей погрешности. Все пройдет гладко.

– Судя по твоим трясущимся рукам, ты сам не веришь своим словам, – горько усмехнулась Регина.

– Нет, это нормальная реакция. Я просто нервничаю, – огрызнулся Марк.

Он замер возле сестры. Оставалось запустить капсулу. Он протянул руку к дисплею и ввел код доступа. Но палец замер над кнопкой пуска.

– Знаешь, – мягко прошептала Регина, – несмотря на все мои пороки, ты знаешь, что я бы никогда не причинила вред тебе, братик.

Палец дрогнул, Марк зажмурился:

– Это ради тебя, Регина, – и он нажал на кнопку.

Раздался тонкий писк, будто жужжание комара, и прозрачные трубки, подведенные к Регине, наполнились голубоватой жидкостью. Ее глаза медленно стекленели, по щекам покатались слезы.

Марк тоже протер лицо и с удивлением уставился на влажную ладонь. А он думал, что уже разучился плакать. Снова перевел взгляд на сестру и судорожно выдохнул. Впереди несколько часов, которые он запомнит на всю жизнь. Смотреть на то, как у любимого человека стирается память – невыносимо.

– Ты уверен, что все хорошо?

Вкрадчивый вопрос жены прозвучал в телефоне, как пощечина. Марк тряхнул головой, вырываясь из оцепенения.

– Да, Регина спит. Как младенец, – от последнего слова ему стало не по себе.

Сестра и правда спала, свернувшись калачиком на койке в застекленной комнате. Он укрыл ее плюшевым пледом. На тумбочке стояла недопитая бутылка со смесью.

– Как прошел процесс «Обнуления»?

– Легче, чем я ожидал. Она почти сразу перестала что-либо понимать. Вскоре уже не узнавала меня. А вот мне было тяжело, – вздохнул Марк и встал с расшатанного кресла. Подошел к прозрачной стене, разглядывая в полумраке силуэт Регины. – После «Обнуления» она впала в панику, но почти сразу успокоилась, когда я ее обнял.

– И насколько все затянется? – в голосе жены слышалась усталость. – Ириша уже забыла, как папа выглядит.

– Потерпите, мои родные. Осталось чуть-чуть, – он уже боялся называть конкретные сроки, потому что в прошлый раз просрочил на месяц. – Она пока даже не может есть. Когда станет более самостоятельной, я вас познакомлю. Снова...

– Я понимаю, Марк, ты стараешься ради Регины. Но и нас пойми, мы скучаем.

Марк стиснул телефон и зажмурился:

– Скоро, скоро все наладится.

Ему отчаянно хотелось в это верить.

Процесс восстановления шел на удивление быстро. Марк каждый день вел голосовые записи, отмечая успехи сестры. Прошел всего месяц, а по подсчетам Марка и поведению Регины, ей исполнилось лет десять.

– Смотри, это мольберт, кисти, масляные краски... Как-то мы с тобой рисовали в альбоме, только теперь все серьезно, – улыбнулся Марк, расставляя перед Региной принадлежности для рисования.

– Совсем как у взрослой! – она радостно захлопала в ладоши.

На голову Регины был натянут капюшон толстовки с заячьими ушками, которые болтались в разные стороны, когда она крутила головой.

– Да, – Марк заметил, что к застекленной двери подошел начальник, и поспешно вскочил на ноги. – Можешь попробовать порисовать, а я скоро вернусь.

Он вышел из комнаты и плотно закрыл за собой двери, чтобы ни один звук не долетел до Регины. Та с воодушевлением взялась за кисти.

– Как продвигается эксперимент? – вопрос Бориса Григорьевича прозвучал чересчур бодро.

– Пока хорошо, – уклончиво ответил Марк.

Борис Григорьевич пожевал губы и стал задавать разные незначительные вопросы, будто оттягивал неприятный для него момент.

– Ты ведь знаешь, что я тоже поставил свою карьеру на кон? – вдруг выпалил он.

– Почему? – от шока Марк даже не отреагировал на Регину, которая обернулась к двери и с радостной улыбкой ему помахала.

Не получив ответ, сестра обиженно поджала губы, ее глаза сощурились. Но лишь на мгновение. Потом она снова сосредоточила внимание на мольберте и незатейливых узорах, которые выводила на холсте.

– Потому что твой проект – это нечто грандиозное. Я верю, что все получится, иначе не стал бы подставляться, – Борис Григорьевич потер подбородок.

У Марка в горле встал ком и все что он смог, это прошептать: «Спасибо».

– Ты сможешь многим людям, Марк. Вот увидишь! Вот увидишь, но... Ты ведь понимаешь, когда твой эксперимент закончится, Регина должна доказать, что излечилась и больше не опасна для общества. Иначе ее снова упекут в психушку, но на этот раз ей будет тяжелее, так как она не будет знать, за какие такие грехи с ней так поступили.

Марк сцепил руки за спиной. В груди закололо при мысли, что его Регину, его маленькую сестренку, которая сейчас беззаботно рисовала детские каракули, снова закроют в лечебнице.

– Я понимаю.

– Рад слышать. Регина должна узнать о себе. Без этого у нее ничего не выйдет.

Марк лишь кивнул и зажмурился. Это будет еще не скоро. У него еще есть целый месяц, а может, и больше. Он что-нибудь придумает, чтобы обезопасить ее от горькой правды. Обязательно.

Весь день Регина была задумчивее, чем обычно. Прошел еще один месяц, и судя по поведению и мышлению, она достигла того возраста, в котором прошла «Обнуление». Хотя выглядела лет на пять-шесть моложе. Ее кожа порозовела, волосы заблестели, даже прежде ломкие ногти окрепли.

Но не только изменилась внешность. Сама Регина уже бы-

ла другой девушкой. Она задавалась другими вопросами, мысли потекли в иное русло. Это был человек, не отягощенный ошибками прошлого, смотрящий в будущее с надеждой. Она не задумывалась над тем, что что-то должна миру. Сейчас этот мир был должен ей.

– Почему я живу в лаборатории?

Очередной вопрос огорошил Марка, когда они вернулись с прогулки. Регина отказалась заходить в стеклянный куб, который был ее домом последние два месяца, и осталась в его кабинете, который он оборудовал в соседней комнате.

– Почему твои коллеги смотрят на меня с подозрением, а кто-то даже со страхом? – Регина села в рабочее кресло Марка и скрестила на груди руки. – Я их даже не знаю, а вот они меня, видимо, очень хорошо.

Марк медленно вытащил стул, задвинутый под лабораторный стол, и сел. Ноги совсем ослабели. К таким вопросам он не был готов. Не был готов к тому, что придется рассказать Регине правду. И все же начал уклончиво:

– Ты потеряла память и жила здесь, пока восстанавливалась.

– И? – нетерпеливо подтолкнула его Регина. – Как это случилось?

Марк вздохнул. Он должен признаться.

– То, что я сейчас расскажу, покажется тебе абсурдом. И именно поэтому это все правда.

Он говорил медленно, тщательно взвешивая каждое сло-

во. Периодически поднимал взгляд на Регину, чтобы убедиться, что она его слышит и понимает. Ее лицо бледнело все больше, глаза тускнели, губы серели. Она словно превращалась в героиню черно-белого кино. Теряла цвет, звук и вкус жизни.

– Я... я – убийца?! – Регина поднялась на дрожащие ноги и отшатнулась от Марка, когда он потянулся к ней. Рукой зацепила на столе книги, и они с грохотом повалились на пол.

Регина схватилась за голову и застонала. То был стон раненной львицы, которой отсекли лапу.

– У тебя есть шанс начать все заново, Регина! Я создал «Обнуление» только ради тебя, чтобы ты смогла исцелиться.

– Но я не была больна, – со слезами на глазах прошипела Регина. – Да, я убивала людей, н...но ведь можно было посадить меня в тюрьму, чтобы я понесла наказание! Или же пройти курс лечения в больнице... Н...но не стирать меня всю, чтобы затем создать с нуля. Ты удалил меня, Марк! Создал себе новую сестру, но это уже не я! – она разрыдалась и в бессильной злобе швырнула на пол тарелки, с которых они завтракали еще этим утром. Раздался звон фарфора. – Разве я просила тебя об этом? Покажи мне видео, на котором я просила тебя обнулить меня. Стереть мою жизнь, мои воспоминания, меня всю!

Марк молчал, понуро опустив голову.

– Хоть бы попытался солгать, – горько упрекнула Регина.

на. – Да, я ничего не помню, но здесь, – она ткнула себя в грудь, – я чувствую, что была против. И что это было не мое решение.

Марк сел за стол, сгорбившись над ним, как седой старик. Два месяца удачного эксперимента только что... обнулились.

– Мне было бы проще, если бы ты не был моим братом, – прошептала за его спиной Регина.

– Я лишь хотел вытащить тебя на волю, – признался Марк. – Хотел, чтобы ты жила счастливо и могла дышать свободно.

– Да, но ты не спросил меня, хочу ли я... И в этом была твоя ошибка.

Что-то захлестнуло его шею и сдавило с нечеловеческой силой. Марк попытался освободиться от удавки, но не смог. Только понял на ощупь, что это было полотенце, которым Регина вытирала руки. Марк попытался сбросить ее с себя, но сестра словно слилась с ним. В голове разрастался огненный пульсирующий шар, боль в груди достигла такого апогея, что легкие были готовы взорваться. Перед глазами темнело. Регина прижалась лицом к его щеке. Ее губы двигались. Кажется, она извинялась. Кажется...

Юрий Николаевич смущенно смотрел на отрешенную девушку, ютящуюся в кресле напротив. Худыми руками она обхватывала себя за плечи.

– Регина, у вас выявили ген убийцы. Поэтому, даже после опасного эксперимента «Обнуление», которому вас подверг ваш брат, вы убили его. Увы, этот ген невозможно стереть так же легко, как память.

Она никак не отреагировала на заявление психотерапевта. Только сильнее вжалась в кресло.

– Ваша жизнь могла бы измениться, но вы не смогли противостоять гену. Или же все-таки могли? Когда вы убивали брата, вы осознавали, что делаете?

Наконец Регина подняла голову и просверлила врача взглядом:

– Я убила собственного брата. Как вы думаете, могла я сопротивляться или нет?

Психиатр заерзал, и она усмехнулась:

– Вот именно.

Тридцать лет спустя

– Как вы видите на этих видеозаписях из-за «гена убийцы» или его еще называют «геном воина» – МАОА, эксперимент ученого Евдокимова Марка Олеговича провалился, и проект «Обнуление» заморозили на тридцать лет, – рыже-

волосая женщина с короткой стрижкой выключила проектор и вернулась к трибуне. – Помимо этого гена, в крови Регины Евдокимовой был обнаружен ген CDH13. Оба гена отвечают за агрессивное поведение. Первый вырабатывает нейротрансмиттер дофамина и при злоупотреблении алкоголя, наркотиков или даже при сильном стрессе провоцирует гормональную бурю агрессии. Второй отвечает за развитие связей между нейронами в мозге. Будь у нее один из генов, она смогла бы побороть тягу к убийствам, но с таким набором ДНК ей было не совладать. – Женщина сделала глоток воды и перевела дух, прежде чем приступить к самому важному: – Моя вакцина «Антиген» помогает блокировать оба гена и дает их носителям шанс на исправление. В связи с этим я предлагаю разморозить проект «Обнуление».

Конференц-зал наполнился аплодисментами, под которые нейробиолог сошла со сцены и села на свое место. Внешнее спокойствие было напускным. На самом деле ее сердце колотилось, а дыхание перехватывало, и еще долго после выступления она приходила в себя.

Когда конференция закончилась, женщина поспешила к выходу, но в коридоре ее перехватил журналист:

– Ирина Марковна, ответьте на пару вопросов, пожалуйста.

Она задержалась и задумчиво оглядела тощего паренька в костюме с галстуком-бабочкой.

– Как вы считаете, есть ли шанс, что проект вашего отца

разморозят? – протараторил он.

– Уверена на восемьдесят процентов, – кивнула Ирина. – Он может помочь многим людям. Именно ради этого я и создала свою вакцину.

– Скажите, а вы не могли унаследовать «ген убийцы»?

– Могла, но не унаследовала.

Журналист кивнул, а потом снова подсунул Ирине диктофон:

– Последний вопрос: что стало с Региной? Ее до сих пор держат в психбольнице?

Глаза Ирины подозрительно заблестели:

– Нет. Пару лет назад она умерла.

– Умерла?

– Да. Отравилась... – добавила она и на ее губах появилась едва заметная ухмылка.